

150 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

**Олег
МОШНИКОВ**

г. Петрозаводск

От автора:

Жанр ладанок вырос из стихов, емких образов, отмеченных в записных книжках мыслей. Ладанки – это то, что ближе всего к сердцу: юмор, размышления, представление окружающего мира и человеческих характеров, коллизии моей собственной судьбы.

ОДИНОКИЙ АДРЕСАТ

Друзей не бывает много. Друзей – не приятелей. Мне легко сосчитать друзей и... тяжело смириться с полученным результатом. Один – в детстве. Один – в школе. Один – в поэтических кругах... Один-одинешенек стою я перед прожитыми годами, подарившими мне дружбу с курсантами уральского военного училища. Годами созидания. Годами мужества и роста. Годами, исполненными смысла человеческой жизни... Разметала судьба наши надежды, прямотушные разговоры, безответные письма – по всему белу свету. Где вы, дружки? Где ваши мудрые сердца и приветливые понимающие взгляды? Я – такой же, такой же восторженный безоглядный мечтатель, каким был во дворе, в школе, в солдатской казарме, и ваши мечты, и ваши лучшие годы жизни лежат в основе моего поэтического дара. Дара – сочинять и обрамлять в рифму переписанные начисто из армейских черновиков неотправленные письма-строфы...

Откликнись, друже, мой добрый читатель, – до

времени выбывший адресат! Откликнись на эти наивные строчки, откровения моих стихов и ладанок, если они близки твоим чувствам и переживаниям, откликнись просто и радостно, как на знакомое объявление в местной многотиражке: «Ищу... одиночество».

МОНЯ

В эфире лучший летний сезон музыкального шоу «Три аккорда». Звучат на удивление проникновенные, сильные песни. После исполнения Николаем Фоменко ростовского шлягера «Скрипач Моня» мое сердце исполнилось щекочущей горячей благодарностью к одноклассникам, курсантам родного Свердловского военного училища, армейским друзьям, называвшим меня по-еврейски ласково – Моня, донельзя сократив мою русскую северную фамилию. Горжусь! Неожиданно. Впервые...

ПОЦЕЛУЙ

– Бог целует каждое любимое место, – витиевато выразила свою заключительную мысль экскурсовод Водлозерского заповедника.

Присутствующие на литературном Фестивале «Петроглиф» поэты и прозаики переглянулись. У писателей много любимых мест, не только в Карелии, и прежде всего – это литература. Немного холодная, слегка простоватая или несколько заумная.

Разная, в общем... Далее выступала московская поэтесса, она же – дипломированный кинорежиссер. Москвичка посетовала, что на выходе ее многолетнего и весьма плодотворного творчества зачастую получают тяжелые пасмурные стихи и – не в пример – легкие солнечные фильмы.

– Инь и янь, – многозначительно кивнула гостя из полынного Казахстана.

Сидящие в последнем ряду двое не просыхающих уже несколько дней участников «Петроглифа», не сговариваясь, взглянули друг другу в дремучие глаза:

– А мы с тобой – синь и пьянь...

Выглянуло солнце. Посветлел хмурый ветреный день. Расцвели улыбки. Пыльный оконный луч обернулся божественным воздушным поцелуем, отмечая любимое место в коротком рассказе о фестивале.

ГОСТЬ

Нет-нет да и доходят до меня истории, связанные с земным бытованием карельских писателей. Одну из которых я и хочу вам сейчас рассказать...

Давно-давно зазывал к себе в гости писателя Александра Валентинова литературный критик Борис Кущин... со сломанным лифтом, на девятой этаж...

Собрался в кои-то веки Александр... А вот наконец-то и старая дерматиновая дверь. Звонок – второй, третий. Как на театральной премьере на зов музыкального звонка – в недрах необъятной кушинской фатеры раздался тихий неуверенный шорох то ли портьеры, то ли домашних тапочек.

– Саша! – прервав порядком надоевшую мелодию звонка, впуская гостя в широкую полутемную прихожую, расплылся в теплой нетрезвой улыбке хозяин дома, – заждался, братец, заждался... Ну те-с, доставай!

– Что доставать? Новые стихи? – Валентинов стал стягивать с шеи мокрый мохеровый шарф.

– Кой черт стихи... Со вчерашнего «коктейля» у поэта Мартасова во рту кисло... Водки принес?

– Как водки? – опустил до мелочности и несерьезности происходящего удивленный стихотворец, – ты же меня сам пригласил! Говорил, обсудим рукопись по полной. Теперь что – от ворот поворот? Зря, выходит, я пешком через весь город шлепал?! – Ну и хорошо, что шлепал-пришлепал... Бутылка где?

– Ну, знаешь, Борис, это уже слишком! Никто меня так не уважал... то есть не унижал, никто! –

Валентинов гневно распахнул входную дверь и зашпешил вниз по лестничному маршу – вон, скорее вон – из душного, созданного человеческой низостью девятиэтажного тупика.

– Да что ты, Саша! – не унимаясь, кричал вслед убегающему поэту раздосадованный критик. – Знаешь как я тебя уважаю, как поэта, как человека... А ты... ты без бутылки в гости ходишь!

О ТВОРЧЕСТВЕ

Вдетстве – будучи добросовестным и беззаветным книголюбом – делился с родными и друзьями прочитанными книгами... Сейчас – раздариваю написанные стихи. Не потоком, вдумчиво, – пишу следующее за предыдущим...

Каким стихам предначертана долгая и счастливая жизнь? О детстве? О юности? О гражданском долге, отчей любви и незабываемых путешествиях в чудесные края? Или тем незаметным, искренним, волнующим строкам, которые чувствуешь и помнишь ты?..

ВСПОЛОХ ПАМЯТИ

День Победы. В центр города к мемориалу Вечный огонь подтягивались горожане. На диабазовые плиты братской могилы ложились гвоздики. Взлетали надутые гелием пузатые танки. Над белыми бантами пятилетней девочки горделиво качался красный воздушный шар... В удивительно ясном небе светило солнце. От неимоверного количества яркого солнечного света не мудрено было перепутать пролетевший истребитель с парящей чайкой, чайку с квадрокоптером, снимающим на маленькую камеру огромную двадцатитысячную реку Бессмертного полка, парадные коробки войск городского гарнизона, плывущие вдоль голых газонов черные контуры поднятых над головами людей солдатских портретов... И, наверное, от этой всеобщей скорби и народной гордости, от этих трогательных прикосновений памяти скользкая по серому асфальту и гулкой брусчатке тень красного детского шарика – оставалась красной, ало и кровно отбрасывая на холодные камни всполохи Вечного огня.

ДВОРОВЫЙ АВТОРИТЕТ

Уподъезда пятиэтажного дома, занимая пышным весомым дворовым авторитетом половину лавочки, восседала отставная военная докторша,

подрабатывающая на пенсии в городской поликлинике. Разглагольствовала:

– Какие, право, солдаты... то бишь пациенты, пошли странные – ни о чем кроме своих болячек думать не хотят! Пыталась я тут одну дамочку расшевелить, разговор завести культурный. Цитату привела, афоризм ввернула... Молчит. Ни бельмеса не понимает. Другой бы терпение на моем месте быстро потерял. Градусник из подмышки вытянула, проверила, подписала больничный и – гуляй, не кашляй. А мне необразованность наша дремучая покоя не дает! Решила наводящие общеизвестные примеры привести. Разбудить дремлющий разум. Юношескую библиотеку перелистать. Как вам, спрашиваю, личность Мамочки? А педагогические эксперименты ВикНик-Сора? Смотрю на пациентку сквозь ее дымчатые непроглядные очки. Сообразит или нет? А та – не мычит, не телится! Ну, ладно, Пушкин, Достоевский... «Республику ШКИД» не читала! Каково? Ну, о чем, о чем с такой особой говорить прикажете? Только о болезнях, как в рекламе на «Радио России»? Без ответа, но с приветом? Обидно, обидно за русскую литературу, до слез обидно...

Из сидящих на соседней скамейке женщин никто не возражал. Вышедшие подышать свежим воздухом старушки понимающе кивали и охали. За немением подобающих аргументов.

ВЫСОТА РАДУГИ

Хоронили учителя музыки. Одинокого, бездетного человека. Не одно десятилетие пытался учитель увлечь здоровых и больных детей игрой на древнем карельском инструменте – кантеле. Специально раскрашенные для специфического детского коллектива струны позволяли извлекать из финно-угорских «гуслей» удивительные радужные мелодии, напоминающие шелест дождевых капель, пение утренних птиц, тиканье настенных часов, придавая деткам уверенность в собственных силах и неограниченных возможностях, зачастую наперекор неутешительным врачебным вердиктам.

После погрузки в машину массивного гроба я задержался у открытых дверей катафалка. И невольно стал свидетелем того, как девочка с болезнью Дауна, заскочив в автомобиль, прильнула к гробу учителя и на мгновение замерла... И такая читалась в ее оплывших глазах щенячья безудержная благодарность, такая чистая глубинная жаль, что будто и моего сердца коснулась горчинка ее выросшей до бездонных небес боли. Боли – до коей еще расти и расти, достигая радужной, бескорыстной, божественной высоты,

многим взрослым, прагматичным, горделиво прячущим свое чувственное «я» людям.

КОНФУЦИЙ

Черное море... По прибытии в Феодосию прямо с железнодорожного вокзала меня подхватили под руки и увели... на городскую окраину, в одноэтажный частный сектор. В маленьком домике, занятом семейными отдыхающими, свободной оставалась только прихожая с узкой солдатской кроватью и трехступенчатым деревянным крыльцом. В прихожей я и расположился. Запихав под кровать небольшой чемоданчик, предварительно достав из него плавки и книжку «Афоризмы китайских мудрецов», я отправился на пляж...

Приходил я в съемную прихожую уже под вечер. Жильцы других комнат, обнаружив мое присутствие в проходном помещении, вежливо стучались и перешагивали через меня – в случае необходимости зайти или выйти из дома... Но зато, когда дом засыпал и на небе вспыхивали яркие звезды, я мог спокойно сидеть на теплых ступеньках в почти непроглядной темноте, вслушиваясь в звуки и голоса южного предместья. Мои утомленные солнцем и морем загорелые плечи обволакивала ночная прохлада, слегка подсоленную кожу щекотал нежный ветерок. Я был безмерно счастлив, молод, переполнен всеми благами жизни и неизбывным чувством, что мне ничегошеньки, ну ничегошеньки больше не надо, ведь у меня есть уютное крыльцо, звездное небо и недочитанный Конфуций.

КИЖСКАЯ КРАСАВИЦА

Дом – в экспозиции острова-музея «Кижы». Печнее крыльцо. Молодая пряжа в традиционном русском наряде старательно проживает жизнь деревенской девушки конца XIX века... Чу! – в открытые ставни истории хлынул мутный солнечный свет. В блеклом старинном зеркале встретились глазами моя современница и девушка-крестьянка. Истаял светец. Остыла печка. Привычно вытягивают пальцы льняную нить. Стучит веретено. Много пряжи в доме. Зябко в нетопленной горнице. Впереди долгая карельская зима. Падают прогоревшая лучина, катятся слезы в кадку со студеной водой... В два оконца – в красном углу дома – озеро колышется, плывут по своим делам лодки-кижанки, тянется солнечная пыль короткого карельского лета. Нынче в Кижях праздник! Отставила веретено девушка. На зеленой поляне возле двух величествен-

ных деревянных храмов подруги хоровод затевают. В цветастом сарафане, в платке с красными, синими, белыми цветами идет по улице русская красавица! Радостно бьется сердце при звуке колокола – языка веры Христовой, языка судьбы, былинной земли заонежской. Праздник в Кихах!.. Недолги посиделки. Не полощутся белые ночи в водах Онего. Пали июльские сумерки. Мамка зовет домой. Много льняной и шерстяной пряжи заготовлено в доме... Катятся звезды, капают слезы, падает уголек лучины в широкое озеро души.

ГДЕ ТВОЙ ДОМ...

Побывал на старой родительской квартире... За редким исключением – вся мебель, картины, книги – на прежнем месте. За окном все та же заводская березовая роща.

А ночью мне приснился цветущий яблоневый сад!.. Но это был не мой сад. Этот сад увидела в распахнутое окно деревянного домика на окраине Петрозаводска моя маленькая мама. После нечеловеческих послевоенных мытарств, сталинской отсидки бабушки и ее обездоленного возвращения из тюрьмы, сгоревшего от упавшей керосиновой лампы детдомовского барака, голодного пайка и ночлега в приспособленном дровяном сарае во дворе сердобольных родственников мама оказалась в крохотной квартирке отчима, инвалида войны, который принял у себя женщину с двумя дочерьми... Окно квартиры выходило в яблоневый сад, облепивший склон узенькой и быстрой речки. Пикируя с воздуха на белые душистые цветы, гудели шмели. Игривый ветер раздувал шелковые лепестковые парашютики. Солнце качалось в сплетении причудливых и гибких веток. В домике, окруженном яблоневым садом, десятилетняя девочка впервые почувствовала себя дома.

Проснувшись среди ночи, я поймал себя на мысли, что мне снова хочется вернуться в прошелестевший зелеными ветвями мамин сон, еще более уютный и домашний, чем в ее рассказах, окунуться в белопенное кружение нежных лепестков... раздвигая руками белоствольную березовую дымку – за нашим домом.

НАСТРОЕНИЕ

Сегодня неожиданно подхватило и понесло меня – над землей удивительное окрыленное чувство – наполненности и совершенства жизни! Как будто сегодня я достроил дом, посадил сад, написал книгу, – легко и просто совершил по-настоящему зна-

чимое для истории, для вселенной дело. Просто... просто сегодня – в осенний хмурый вечер – я зашел к сыну... проведал внучек.

ШАРМАНКА

Устен древней крепости Греми в Кахетии бренчала и всхлипывала старинная уличная шарманка. Многочисленные русские гости и путешествующие тбилисцы невольно замедляли шаг при звуках незатейливой механической мелодии, служившей негромким фоном красивой грузинской песне. Местные монеты – лари – едва прикрывали дно войлочной шапки, милостиво и величаво расположившейся у ног седоусого шарманщика.

Прибывали новые экскурсионные группы. Всюду – улыбки, дружеское, уважительное отношение к приезжим. Будто мы опять, чудесным образом минув три бесславных десятилетия, очутились в маленькой и уютной южной советской республике.

За неимением волшебной палочки и при наличии шарманки мы с супругой решили крутануть ручку диковинного музыкального инструмента, растянуть подобно грузинскому многоголосью все выученные в гостинице слова: «Ге-н-на-а-ацвеале, рого-о-о-ра-а-ахар, ге-н-на-а-ацвеале, гва-а-англо-о-обд!» Сами собой выплыли в памяти танцевальные па из спектакля «Ханума», приключения трех работяг-дорожников – героев знаменитых короткометражек «Грузия-фильм», прямодушные проделки авиатора Мимино и душевные «Тополя» ансамбля «Орэра». И я, и жена, и шарманщик, и обалдевшие туристы пели о единой заоблачной стране – Советском Союзе...

ТРИНАДЦАТЫЙ ПОРОСЕНОК

– За мир! – произнес емкий, немногословный – тост наш грузинский водитель и по совместительству экскурсовод Георгий (Гога – как он просил себя называть) за столом в маленькой тбилисской гостинице «Мимино».

Кому как не Гоге, воевавшему за целостность Грузии и обездоленному своей страной, понимать значимость и необходимость долгой и мирной жизни... Помотала Гогу по миру, побила о дорожные камни строптивая судьба. В последнее время, получив почти одновременно постоянный вид на жительство в России и корочку экскурсовода, Георгий, крепкий пятидесятилетний мужчина, возил туристические группы по кавказским дорогам.

После первого мирового тоста немного помолчали. Затем стали вспоминать недавнюю поездку в

Кахетию. Всем запомнилось счастливое свиное семейство, пересекавшее туристическую трассу в неполюженном месте.

– Свины хозяйские, – поддержал разговор Георгий, – все лето на воле живут. На желудях, ягодах и лесных корешках. Только осенью в хлев возвращаются. А какой поросенок от мамыши отстанет – самостоятельно пропитанием занимается. Совсем как я...

Как неприкаянный тринадцатый поросенок, согласно грузинской поговорке (у свины – на все про все – только двенадцать сосков имеется), Гога рано ушел из семьи. Женится. Развелся. Как перекасти-поле по людям и весям мыкался. Работу менял. Пока не устроился – при помощи старшего брата – в правоохранительные органы новоиспеченной Джорджии. Воевал в Абхазии и Южной Осетии. Не озлобился, за идею рубаху форменную на груди не рвал. Вверх по служебной лестнице через две ступеньки не прыгал. Пришел однажды утром на работу, а двери Управления МВД города Тбилиси оказались закрыты. Никого из полицейских и следователей в рабочие кабинеты не пускали. Одним днем Мишико Саакашвили уволил сотни людей – профессионалов, отцов и матерей – полностью, по демократически жестко, обновив личный состав.

Хуже лавины, разрушительных подземных толчков навалились на свободную Грузию напасти. Виноградный, веселый, певучий край превратился в полигон – не свойственной древнему патриархальному народу – демократии. В котле социально-революционных потрясений погибли все младшие и старшие братья Георгия. Живя на две страны, помогая матери, Гога начал заниматься оформлением на себя немудреного отцовского наследства. Из сильной половины многочисленной грузинской семьи единственным мужчиной в роду остался только он – тринадцатый поросенок...

ОСЕННЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сперва я увидел падающую звезду, потом пролетающих гусей – и ничего не успел загадать... Рядом, совсем близко, кружились пожелтевшие листья:

– Загадывай, – предложила мне Осень...

А в полночь неожиданно пошел снег: самое время строить семейные планы, мечтать долгими зимними вечерами о будущем лете.

КОСМИЧЕСКИЙ ТАМБУР

Не люблю сталкиваться с писателями на работе... Занимаешься своим любимым пожарным делом: рассматриваешь проект, готовишься к проверке объекта или к выступлению перед школьниками – и вдруг видишь знакомую сутулую спину в кабинете начальника. Очередной сотрудник муз жалобу на пожарную инспекцию строчит. А то голос известный в коридоре услышишь – скандальный прозаик пришел разбираться с инспектором, осмелившимся закрыть его творческую подвальную мастерскую. В конечном итоге оказывается, что жалобщик пришел не в ту организацию и надо ему обращаться не в пожарку, а в газовую службу. Скандалист напрасно сотрясал кулаками воздух, никто его мастерскую закрывать не собирался, а требовалось просто убрать пустые водочные бутылки на путях эвакуации.

А Линник – тот ничего. Заранее в петрозаводскую инспекцию обратился. По всей форме. Мол, нужно гражданину тамбур квартирный согласовать. То бишь установить дополнительную дверь на лестничной площадке. Для тепла и безопасности. Ввиду новизны обозначенной проблемы ЖЭУ затребовало с челобитчика разрешительные справки со всех проверяющих организаций. В начале 90-х годов редко кто с такой просьбой к пожарным обращался. Нужды не было. Да и единое советское общежитие в головах прочно сидело: чего зазря деньги тратить и от соседей отгораживаться. А тут особое дело – человек обратился знаменитый. Писатель. Философ. Я заявление писательское тут же взял в свой оборот... В юности я перелистывал тоненькие поэтические книжечки литератора: о цветочках, северной природе, родной карельской глухомани. Значительно позже – в зрелом возрасте – в росной паутинке, осеннем листе, звездной заводи, чередой перечитанных книг мне открылся удивительный Космос земли, созданный проникновенными образами поэта... Договорившись с Юрием Владимировичем по телефону, на следующий день вышел по указанному в прошении адресу, на улицу «Правды».

В назначенный час нажимаю квартирный звонок. Открывает хозяйин. Поздоровались. Все-таки на культурных петрозаводских мероприятиях не раз пересекались. Захожу в комнату... Ба! В глазах пестро! Картины космические – аж на потолке – все пространство квартиры занимают. Углы комнат упаковками книг новеньких заставлены. Поэт. Ученый. Как не помочь уважаемому человеку! Тамбур-то небольшой требовался. Главное, чтобы наружная дверь была крепче. С общего коридора сквозить перестанет. Да и коллекция галактических

полотен в сохранности будет. В ельцинские времена полно было вокруг неблагоприятных и эпатажных «метеоритов», падких на «инопланетное» добро.

Разрешение на устройство тамбура я на следующий день напечатал и у начальника подписал. Все честь по чести. Как и просил меня Юрий Владимирович, повторяя слова профессора Преображенского из «Собачьего сердца»: «Как угодно, что угодно, когда угодно, но чтоб это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо другой не мог даже подойти к двери моей квартиры! Окончательная бумажка! Фактическая! Настоящая! Броня!» Бумажка... Мимолетное воспоминание, пустяк... Малая толика того, что можно было сделать для сохранения писательского, общечеловеческого, поистине вселенского достоинства философа-космиста – Юрия Линника.

ПЕРВАЯ ВЫСОТА

Удивительное дело! Кумир моего поколения – детей-«шестидесятников» – маленькая актриса из города Вильнюса, сыгравшая Суок в «Трех толстяках», героиня замечательных фильмов для подростков «Девочка и эхо» и «Дубравка», – выросла, вышла замуж, родила детей и, никак не связывая себя с кино, всю жизнь проработала библиотекарем, – счастлива безмерно! И правильно. И достаточно. Многим за всю свою жизнь не достичь ее первой взятой высоты, не побороть изъедающей душу немощи тщеславия...

ТИТАН

Сколько приятных незабываемых часов подарил нам сверкающий разноцветной иллюминацией Питер! Позади хлопотный радостный новогодний день... Сидя в позднем вагоне метро, почти дремлю и блаженно улыбаюсь чему-то своему – пустяшному, покойному, пенсионному.

В вагон зашла женщина моих лет. С хозяйственной сумкой. Неприятно и вызывающе оглядела занятые пассажирские сиденья. Тут же соскочил с места худенький и бледный подросток в колпаке Санта-Клауса:

– Садитесь, пожалуйста!

Тетка снисходительно кивнула и, окатив сидящих мужчин уничижительным взглядом, водрузилась на сиденье супротив меня. Я мысленно порадовался за молодое питерское поколение: молодец Санта-Клаус! Уважение к старшим проявляет, без выпендрежа... Через некоторое время хрупкая девуш-

ка, сидящая рядом со мной, вспорхнула и вышла на станции «Последняя встреча»... Стоящий возле двери мальчик, заигравшись в смартфон, даже не заметил освободившегося места. Насупленная тетка тут же взялась за его обустройство:

– Садитесь, молодой человек! Садись, кому говорят!

Потянув за рукав, насильно посадила растерявшегося подростка на свое разгоряченное сиденье и попыталась подвинуть мою калорийную фигуру, приземлившись на свободное место. Прижаться к стенке, потеснить нахрапом мою природную основательность было непросто. Такой подвиг по силам разве что древнегреческому титану Гераклу. Тем более что слева от меня сидели такие же объемные, уставшие пассажиры. Оглядев тесный непоколебимый ряд, тетка выдохнула, ошпарив мое правое ухо гневным восклицанием:

– Вот козлы!

Здрасте-пожалуйста! И это культурная столица России! Мое праздничное благостное настроение со свистом вылетело и пропало в черном туннеле метрополитена... А так хотелось в полной мере порадоваться жизни. Обнять каждого встречного и поперечного. Поверить в Санта-Клауса. А вот сиди теперь и потей рядом с кипящим и фыркающим дровяным титаном! К счастью, мне надо было выходить на следующей остановке...

СЮРПРИЗ

Забирая меня на выходной из круглосуточного садика, мама сказала, что меня ждет сюрприз. Сюрприз? Вот те раз! Озадаченный незнакомым и хлестким словом, я стал вспоминать – чем же я провинился. Затих и молчал всю дорогу: от детского сада на Птицефабрике до Старой Кукковки, где стоял приютивший нашу семью старый бревенчатый дом вепсской бабушки Паши. Я испугался, что мне припомнят сожженных в бабушкиной духовке деревянного Буратино и детскую балалайку – поставят в угол, не включают мультиков, не пустят гулять... А дома мне сказали, что угол подождет, что сюрприз – это подарок, и его надо найти самому, на то он и сюрприз.

В сюрпризной комнате-квартире стояли: платяной шкаф, мое раскладное кресло, папы-мамина кровать, тумбочка с черно-белым телевизором «Рекорд» и зеркальное трюмо... Трюмо – это была моя вотчина, моя собственная страна! Я часами мог придумывать занимательные истории, передвигая статуэтки, вазы, пепельницу, пудреницу, брошки и кольца, зеркально разыгрывая представление с

участием одного актера и настоящей планеты сокровищ! Но об этом после. История с потерянными колечками и обломанными фарфоровыми головами – из другой сказки... Сначала мне надо было найти таинственный подарок. Посмотреть в кухне? Но в кухню нельзя. Кухня – запрет. Еще свежи были в родительской памяти мои эксперименты с дровяной плитой. Да и под большой железной бабушкиной кроватью обитала Бука. А с Букой мне почему-то совсем не хотелось встречаться... Заглянул в ящик с игрушками – ничего. В цветочном горшке – одна земля и посаженная мной в прошлом году сливовая косточка. В стиральной машине – пусто... Наконец под платяным шкафом я обнаружил... красные блестящие босоножки! С пуговкой-застежкой. Пахнущие сладкой кожей. Удобные и праздничные, не чета ношеным ботинкам и физкультурным чешкам. Настоящие магазинные туфельки! Совсем такие же яркие туфельки были у феи летающего домика из кукольного спектакля про Изумрудный город. Не знаю, как себя чувствовала Элли в центре урагана: а мое сердце порхало по комнате розовой бабочкой! И я готов был расцеловать за такой замечательный подарок маму, папу, бабушку и даже ужасную Буку, закружив, притоптывая босоножками, между шкафом и креслом, тумбочкой и кроватью – весь этот неожиданно счастливый мир!

ПОЛЕНО

Повадился кто-то из нашей сараюшки дрова таскать... Ладно бы паровое отопление работало в полную силу, а так – батареи чуть живые. Зима выдалась холодная, ветреная. Но – на счастье – печку в нашей довоенной двухэтажке не разобрали. Подтапливаем помаленьку. Маленький сын. Ванночка на кухне. Не простудился бы... А тут: не успеешь новый замок повесить – наутро дверь нараспашку. Замок вместе со щеколдой из доски выворочен. Вязанки дров как не бывало. Фомкой орудуют, шельмы! Под покровом ночи... К слову сказать, ближе к зиме в Карелии дня не видно – сплошная ночь...

Иду с работы по темноте, глядь: дверь в сарай открыта и какая-то худосочная фигура внутри шебаршится. Явно не теща. Подхожу ближе: какой-то небритый мужик в фуфайке полешки мои аккуратно в авоську складывает. Оборачивается: ба! Знакомый старик – из соседнего дома: там у него квартира на первом этаже. В его доме, как и у нас, печки не убраны, трубы торчат. У этого чудика еще кошка ученая имеется: погуляет и – домой по приставной жердочке в форточку забирается.

– Ты чего это, дед, – говорю, – чужие дрова таска-

ешь, двери ломаешь? Давно в милиции не был?

Старик слюну сглотнул, кадыком заросшим задергал, разволновался:

– Да я ж для тепла... Разреши, сынок, пару поленьев взять. Мерзну шибко. А заботиться некому. Один с кошкой век коротаю. Разреши! У меня-то сарайчик в прошлую зиму сгорел: весь запас дров и сил моих стариковских огонь унес...

А я стою злющий, разгоряченный: злоумышленника поймал на месте преступления, да он еще требует чего-то.

– Нет, дед, нет! И слушать не хочу! Уходи отсюда подобру-поздорову, пока я в милицию не сообщил. И чтобы я тебя возле сарая больше не видел!

Старик вывалил из сетки на пол три сучковатых полена, виновато и жалостливо оглядел мою привычную фигуру и поплелся к зевающему холодной пустотой подъезду.

Не дал я старику вязанку до дому донести, согреть промерзшую комнату печным теплом. Не дал... Мой сарай. Моя семья. Мой сын. А старик – не мой. Бессловесный. Слабый. И все же томила меня мелькнувшая в его взгляде мутная жалость...

Через месяц теща меня новостью огорошила:

– Умер наш сосед, старый воришка, в больнице, от неизлечимой болезни – старости.

Меня как поленом по голове ударило:

– Как умер?

– Совсем. Болел долго, да и зима больно злая выдалась. Метельная. Остервенелая...

НАВСЕГДА

К сожалению, в короткой, слишком короткой человеческой жизни ничего нельзя исправить: любое твоё действие или бездействие – это навсегда.

НЕИЗГЛАДИМЫЙ КАДР

Выступая перед учащимися Петрозаводского президентского кадетского училища, рассказывая о видеосюжетах, снятых мной в разное время службы на городских пожарах, обратил внимание ребят на работу пожарного-оператора. Наравне с боевым караулом этот человек стоит на краю огненной бездны. В качестве примера у меня в рукаве «боевки» есть один замечательный реальный случай, происшедший с Александром – коллегой из города Тюмени.

Познакомился я с Сашей на двухнедельных курсах в Санкт-Петербурге. Квалификацию повышали. В гостиничном номере о житие-бытие толковали. И

однажды поведал он мне о приключившемся с ним форс-мажоре.

В центре Тюмени горело девятиэтажное офисное здание. Пожар, начиная с пятого этажа, проглатывал, как пустые картонные коробки, помещения и лестничные марши, забираясь все выше и выше. Под самой крышей дома располагался импровизированный и довольно большой фитнес-центр. В общем, было где огню разгуляться. На защиту этого помещения отправили свободное пожарное звено. Со стороны главного входа, где еще можно было встать и развернуться машинам, выдвинули пожарную автолестницу. Звено поднялось на крышу. Рукава пожарные на веревках подтянули, на арматурных заграждениях закрепились. Дали напор воды...

Ну так вот. Решил и мой визави на крышу забраться: работу пожарных показать. Вскарabalся по лестнице – камеру включил. Трое огнеборцев – в три ствола – помещения нижние с чердака поливают. Саша пристроился поодаль и тут замечает, как со стороны выдвинутой автолестницы поднимается пламя. Огонь из окон восьмого этажа, огибая глухие стены спортзала, ринулся наверх. Мгновенно вспыхнуло битумное покрытие крыши, отрезая пути к спасению. Внутри дома – котел с кипящей лавой и kloкочущим едким вонючим чадом. С двух сторон – вздыбленная огненная лавина. Струи воды в бeссилье разбиваются о жуткую пламенную стену. Прижавшись к угловым заграждениям, товарищи побросали бесполезные рукава. А он отчаянно снимал и снимал, прикрывая камеру испачканной в сажу крапкой, пока не раскалилась и камера. Спасая отснятый материал, Александр сунул видеокамеру под «боевку» и обернулся на крик. В черном дыму звеньевой потянул оператора к ограждению туда, где с наветренной безопасной стороны здания, подвешенные на веревках, пульсировали пожарные рукава. Правда, такой спуск не гарантировал благополучного исхода. Не приспособленные к эвакуации человека веревки могли не выдержать. Но другого пути не было. Намотав веревку на правую руку, Саша стал резкими судорожными рывками съезжать по ней ниже и ниже. Капроновая бечева нещадно рвала рукав брезентовой «боевки», впивалась в кожу, вызывала дикую обжигающую боль. Но он не мог уже затормозить нарастающее падение, ибо левой рукой прижимал к груди драгоценную видеокамеру...

Очнулся Александр на земле, его несли в дежурившую на пожаре скорую помощь. Правая рука представляла собой кровавое месиво с обрывками брезентовой ткани и жгла немилосердно. Когда после обезболивающего укола пожарный-оператор немного пришел в себя, передавая камеру подроспевшему сотруднику пресс-службы, он спросил

о судьбе других бойцов. Все живы! Никто серьезно не пострадал. Видно, сказался большой боевой брандмейстерский опыт.

В гостиничном номере Саша показал мне свою правую руку: от плеча до самого запястья, не оставляя ни одного ровного участка кожи, шел толстый винтовой иззубренный шрам... Выдержал трос. Выдержал человек. До конца стоял на огненном рубеже пожарный-оператор. Не спасовал перед огненной стихией, выполняя свою важную, обыкновенную, героическую работу. И я стараюсь донести до всех и каждого – будь то товарищ по службе или вон тот курносый мальчишка в курсантской форме: не унывай, не поддавайся панике, не отпускай веревку и... жизнь!

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ...

В маленьком заснеженном поселке прощаются с хорошей и тихой старушкой. Перед крыльцом – посреди дороги – на четырех табуретках выставлен открытый гроб. Обитая красной материей крышка прислонена к заиндевшей березе. Потянулись соседи. Подъехала городская родня. Шепчутся, прощаются, притоптывают придорожный снег. Безутешная вдовья невестка, всплакнув, вытирает слезы концом темного платка. В ногах покойной – растет россыпь пластмассовых и тряпичных цветов...

Подошла женщина – из дальних родственников:

– Ну, вот – собрали Клавдию в дорогу. На вечную квартиру... – Оглядев кружевную домовину, с озабоченным видом обратилась к невестке. – Зубы в гроб положили? А очки? Очки положили?

Невестка, полуобернувшись, досадливо махнула рукой:

– Да положили, положили! Чуть газету для чтения за подушечку не сунула, прости, Господи... Упрекнуть не в чем. Упаковали по полной...

Не оставляет, заставляет задуматься бесхитростная деревенская картинка... И вот что интересно: со времен языческих берегов – многие тысячелетия – провожая усопших в загробный мир, многомудрые родичи вкладывали в руку воина боевой меч, красавице – костяной гребень, простой обыватель довольствовался медным пятакoм за щекой... чтобы было чем расплатиться с молчаливым Перевозчиком... От Каменного века и до нашей искусственной эпохи, никак не меняясь, сохранилась эта традиция – оставлять умершему кусочек привычной земной жизни как неразрывную связь с его новым Небесным обетованием.